Ломницкий Тадеуш

6.7.77

6 июля 1977 г. ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА N

РЕЖИССЕР И АКТЕР «ТЕАТРА НА ВОЛИ»

Разговор с Тадеушем ЛОМНИЦКИМ о гражданственности художника

ТАДЕУШ ЛОМНИЦКИЙ — один из популярнейших актеров Польши, на его счету — десятки ролей, широко известных в стране и за рубежом. Тридцать лет на сцене... Первый вопрос поэтому напрашивался сам собой.

— Какие из ролей вам наиболее дороги? И почему?

— Любимых ролей много, одно перечисление оказалось бы непомерно длинным. Думаю, в работе над каждой, даже и не слишком значительной, ролью наступает момент, когда она, пусть ненадолго, становится самой любимой.

По-моему, в жизни актера (исхожу здесь из собственного опыта и не собираюсь выводить общих закономерностей) существует три основных периода. Первый — обретение себя как профессионала, овладение техникой, поиск контакта с партнерами и зрительным залом. И здесь, пожалуй, самой важной была для меня главная роль в пьесе В. Пежиньского «Счастье Франя», которую я играл в Катовице в 1947 году.

Второй период — счастливая уверенность: профессия в руках, могу играть, находить ключ к самым разным характерам. Кордиан в пьесе Ю. Словацкого, Ян в «Первом дне свободы» Л. Кручковского. Это 1956 и 1958 годы, уже Варшава. Постепенное понимание: профессионализм важен, но не только в нем дело.

И, наконец, беспокойное обращение к себе: что же, по существу, я могу сказать зрителям о жизни, о времени, как в сценическом образе заявить о моей гражданской позиции — польского коммуниста, интернационалиста? Мастерство не само по себе, а во имя чего-то большего... В 1962 году в варшавском театре «Вспулчесны» в брехтовском спектакле «Карьера Артуро Уи», поставленном режиссером Э. Аксером, я выступил в роли Артуро.

Ломницкий с огромным успехом играл эту роль в Варшаве, а потом в Ленинграде — Аксер ставил «Карьеру...» и на сцене Большого драматического театра имени Горького. До сих пор стоит перед глазами: артист сдирает с лица грим ненавистного персонажа и тревожно бросает в зал заключительные слова пьесы — о том, что угроза фашизма еще существует, что «еще плодоносить способно чрево, которое выращивало гада».

— Мне исключительно важно было сказать это и польским, и советским зрителям — ведь в жизни наших народов война оставила такой мучительный, неизгладимый след. В скольких семьях и сейчас еще не зарубцевались раны тех лет! Мой отец погиб в Освенциме... Важно было попытаться объяснить самую природу фашизма, механику его зарождения. Борьба со злом, а тем более таким злом, требует досконального знания всех его пружин и механизмов.

С чем прийти к зрителям? Что отвечает более всего их нынешней душевной потребности? Вот направление моих поисков всех последних лет.

— Пожалуй, в том, что вы сказали, в значительной степени содержится ответ на вопрос, который я хотел теперь задать: что побудило вас взяться за организацию своего театра?

Недавно в Варшаве родилась новая сцена — «Театр на Воли», директором и художественным руководителем которого стал Тадеуш Ломницкий. Театр сразу привлек к себе внимание — прежде всего остротой и актуальностью проблематики, ярко выраженным гражданским началом.

— Возникла потребность обратиться к зрителю не только с отдельными героями, но с целыми спектаклями, выработать программу современного театра, как я его понимаю. Став руководителем коллектива, режиссером, я продолжаю искать то, что волнует меня как актера. Но есть еще одно обстоятельство, тесно, впрочем, с предыдущим связанное. То, что это не вообще театр, а именно «Театр на Воли» — в рабочем районе Варшавы, до сих пор своего театра не имевшем. Нас ожидал тот зритель, с которым хотелось общаться в первую очередь, зритель, который обогатит нас, людей театра, новым опытом и сумеет чутко воспринять наши поиски.

Открылся «Театр на Воли» пьесой Леона Кручковского «Первый день свободы», которую поставил Ломницкий, потом Анджей Вайда выпустил «Сон разума» — пьесу о Гойе, написанную испанским драматургом Антонио Буэро Вальехо. Взаимная ответственность человека и общества — так представляется основная тема первых работ театра.

— Наверное, вы правы. Глубокое, острое понимание этой взаимной ответственности между человеком и обществом, между всеми людьми, между странами — в значительной степени залог того, что человечество сумеет сохранить мир в непростом сегодняшнем мире...

Наверно, самая репертуарная пьеса Польши в нынешнем сезоне — «Протокол одного заседания» Александра Гельмана. Около двадцати театров поставили или репетируют ее. А первая польская премьера этой пьесы состоялась в «Театре на Волц». Спектакль поставил Тадеуш Ломницкий. Он же сыграл управляющего трестом Батарцева.

— Почему именно эта советская пьеса привлекла ваше внимание?

— Яркий, сильный характер современного рабочего в театре рабочего района — это то, что мы искали. Правдивый показ возможностей и способностей настоящего, современно мыслящего партийного руководителя — это то, что мы искали. Размышления о социалистическом отношении к труду — будь то на заводе, в сельском хозяйстве, искусстве, где угодно — это то, что мы искали. Утверждение новой морали, складывающейся в процессе такой работы, резкая, бескомпромиссная и в то же время конструктивная критика недостатков и упущений — это то, что мы искали. Напряженная интрига, роли, которые интересно играть... Как же нам было не ухватиться за такую пьесу?

Не отвлекаясь от социальных, гражданских аспектов, Ломницкий при этом играет Батарцева взахлеб, дает массу безошибочно узнаваемых житейских подробностей. О такой игре у нас принято говорить: «купается в роли». Вообще в каждом спектакле «Театра на Воли», поставлен ли он самим художественным руководителем или другим режиссером, неизменно властвует актер, создаются условия для того, чтобы он проявил себя всесторонне и полно. Сам Ломницкий играет во многих спектаклях своего театра...

— Да, люблю много играть. А какой актер не любит? Что же касается общих художественных принципов, то, действительно, мы прежде всего полагаемся на актера, подчиняем ему все прочие возможности театра. Дорогу актерского сценического реализма считаю самой верной. Реализма и высокой гражданственности.

— Зная этот принцип, можно представить себе, какие тенденции, какие мастера сегодняшнего театра вам ближе. И все-таки, расскажите о своих художественных симпатиях, в первую очередь, конечно, касающихся польского и советского театров.

— В польском театре, на мой взгляд, первым сегодня был Конрад Свинарский, трагически погибший в авиакатастрофе. Я разделяю его нравственные, художественные идеи: реализм, углубление в психологию человека, доброту и гуманность, поставленные на службу социалистическим целям. Мне близок путь, которым шел Свинарский, это была огромного масштаба личность в искусстве.

С большим интересом наблюдаю за работой Адама Ханушкевича, который сделал Национальный театр, коллектив по всем канонам «солидно - классический», одним из популярнейших театров варшавской молодежи.

— А советский театр?

— Современная советская драматургия — это гражданское, художественное явление, которое у нас в Польше имеет весьма широкий резонанс. На основе этой драматургии советскими режиссерами поставлено немало прекрасных спектаклей.

Далее — классика, прочтенная с глубоким уважением к автору и обращенная к мыслям, чувствам зрителя нынешнего. «Мещане» Товстоногова, его же «История лошади» — вот мой театр! Потом — «Балалайкин и К°» в московском «Современнике», Гоголь и Достоевский, прочитанные Эфросом в Театре на Малой Бронной, Маяковский в Театре сатиры, вахтанговская «Турандот», «А зори здесь тихие...», «Мать» на Таганке... А ваши актеры! Недавно в Варшаве в спектакле «Антоний и Клеопатра», поставленном в Театре Польском Е. Симоновым, выступили Юлия Борисова и Михаил Ульянов. Они были великолепны!

Пьеса А. Гельмана «Протокол одного заседания» на сцене варшавского «Театра на Воли». Третий справа — Тадеуш Ломницкий в роли Батарцева.

Я знаю первоклассных мастеров, работающих в московских и других ваших театрах. Исполнительский уровень советского театра вообще высок, в нем работают мастера, которых, не боясь громких слов, можно назвать выдающимися.

Актер, режиссер, руководитель театра. И ректор Варшавской театральной школы. Я видел, как занимается Ломницкий со студентами, как он объясняет, показывает. Право же, увлеченности, самоотдачи не меньше, чем когда он выходит на сцену в ролях Гойи или Батарцева...

— Не знаю, как со стороны, но «выкладываюсь» я, право, не меньше. Ведь для того, чтобы театр мог воспитывать зрителей, надо прежде всего воспитать способных на это актеров. Воспитать профессионально и человечески, заложить основы актерского мастерства, марксистско-ленинского мировоззрения. И потом, знаете, воспитывая, давая, сам получаешь многое. Проверяешь себя молодостью, бескомпромиссностью, театральной неискушенностью... Из 25 актеров «Театра на Воли» одиннадцать только что кончили нашу студию.

— И вот еще о чем хотелось спросить... Некоторые считают, что актерская профессия — чисто эмоциональная, рефлективная. Что на сцене актер всемогущ, но за ее пределы ему выходить не следует. Вы — член ЦК ПОРП. Как вы совмещаете эту важную партийную, общественную деятельность с профессиональной?

— Разные, наверное, существуют типы актеров. Для некоторых сцена — это, действительно, все. Я принадлежу к тем, кто считает, что активное участие в общественной жизни, вообще в жизни обогащает, в том числе и профессионально, дает новый стимул для творчества. Давняя традиция передового польского актерства — борьба за идеалы добра и правды, за справедливое, светлое будущее не только сценическими, но и всеми доступными средствами. В меру своих сил я стараюсь этой традиции следовать.

К. ЩЕРБАКОВ

ВАРШАВА